

Андрей Красильников

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Андрей Красильников

Избранные произведения. Том 3

Издательство "Руда"

1998-2014

ББК 84 (4 Рос.)

Красильников А. Н.

Избранные произведения. Том 3 / А. Н. Красильников —
Издательство "Руда", 1998-2014

ISBN 978-5-86609-174-4

Настоящий том включает драматургическое творчество писателя последних шестнадцати лет. Открывается он самой последней пьесой автора «Sweet Dreams» (2014), после чего в хронологическом порядке следуют произведения, созданные с 1998 по 2013 годы. Все они относятся к разным жанрам. Большинство публикуется впервые. За пьесу «В ту же реку» А.Н. Красильников в 2002 году был удостоен одной из трёх первых премий на Всероссийском конкурсе драматургов «Долг. Честь. Достоинство», проведённом совместно Министерством культуры Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, редакцией журнала «Современная драматургия» и Фондом развития и поощрения драматургии.

ББК 84 (4 Рос.)

ISBN 978-5-86609-174-4

© Красильников А. Н., 1998-2014
© Издательство "Руда", 1998-2014

Содержание

Sweet Dreams	6
Действие первое	7
Сцена первая	7
Сцена вторая	7
Сцена третья	8
Сцена четвёртая	10
Сцена пятая	11
Сцена шестая	11
Сцена седьмая	13
Сцена восьмая	15
Сцена девятая	16
Сцена десятая	17
Действие второе	19
Сцена одиннадцатая	19
Сцена двенадцатая	20
Сцена тринадцатая	22
Сцена четырнадцатая	25
Сцена пятнадцатая	28
Сцена шестнадцатая	29
Возвращение ветра, или Вся власть – советникам!	32
Пролог	33
Картина первая	33
Картина вторая	35
Картина третья	36
Картина четвёртая	37
Картина пятая	37
Действие первое	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Николаевич Красильников

Избранные произведения. Том 3

*... We are such stuff
As dreams are made on, and our little life
Is rounded with a sleep.*

W. Shakespeare

*Где всё, что ты видел во сне?
Может быть, в снах других?
П. Неруда (пер. А. Щетникова)*

© А.Н. Красильников, 2014

Sweet Dreams

Гротеск в двух действиях

Действующие лица

Ефимов Павел Петрович, лет 70, генерал полиции в отставке

Чибисов, чуть старше 60 лет, бывший прокурор

Санеева, лет 35, адвокат

Бородулина, лет 40, майор полиции, начальник отдела дознания

Нагейкин, 21 год, лейтенант полиции, дознаватель

Гузенко Савелий Архипович, от 60 до 70 лет, свидетель

Николашин, от 60 до 70 лет, свидетель

Левитина, лет 40, оценщик

Насрулла, лет 40, понятой

Геннадий Степанович, лет 65, понятой

Первый полицейский, лет 30

Второй полицейский, лет 30

Действие происходит в наши дни в одном из областных центров России.

Действие первое

Сцена первая

В кабинет начальника отдела дознания Бородулиной входит молодой сотрудник в штатском. Это лейтенант Нагейкин. Кладёт на стол листок бумаги.

Нагейкин. Полюбуйтесь, товарищ майор, какой сюрприз я сейчас получил.

Бородулина нехотя и невнимательно проглядывает документ. Явно не с самого начала.

Бородулина. Бред какой-то.

Нагейкин. И что прикажете с ним делать?

Бородулина. Гони в шею этого придурка. Можешь сдать его в психушку, если будет сильно возражать.

Нагейкин. Извините, товарищ майор, вы с самого начала прочитали?

Бородулина. Я никогда не читаю с начала. Начало у всех одинаковое. Я читаю с конца.

Нагейкин. Я тоже. Но здесь не тот случай. Посмотрите, пожалуйста, анкетные данные заявителя.

Бородулина. Ефимов Павел Петрович. Однофамилец, что ли? Или сумасшедший, прикинувшийся нашим бывшим шефом?

Нагейкин. В том-то и дело, что он самый. Собственной персоной.

Бородулина. Ты хочешь сказать, что генерал Ефимов написал эту ахиною?

Нагейкин. Хочу, но язык не поворачивается.

Бородулина. И он лично был у тебя на приёме?

Нагейкин. Почему был? Он до сих пор в моём кабинете сидит. Требуется, чтобы я вызвал начальство. Набрал номер самого... *(показывает пальцем вверх)*. Тот, как я слышал, извинился, сказал, что сейчас проводит оперативку, но через полчаса перезвонит.

Бородулина. Ну и дела... Придётся идти.

Сцена вторая

Бородулина входит в кабинет Нагейкина. Тот следом за ней. Посетитель сидит, уткнувшись в книгу.

Бородулина. Здравия желаю, товарищ генерал!

Ефимов *(не поднимая головы)*. Садись, садись, дочка. Скажи, что за олух у тебя теперь работает? Начал мне какие-то глупые вопросы задавать. Разве не понятно: меня обокрали. Генерала полиции в отставке обокрал этот прохвост бывший прокурор.

Бородулина. А что он, простите, у вас украл?

Ефимов. Ты разве не читала моё заявление?

Бородулина. Читала.

Ефимов. Зачем тогда спрашиваешь? Там всё написано. И не с моих слов, как вы любите, а собственноручно. Ты что, почерк мой перестала разбирать? Он вроде бы за полгода не сильно изменился.

Бородулина. Нет-нет. Не подумайте. Предмет кражи мне известен. Не ясны только обстоятельства.

Ефимов. Мне тоже. Поэтому не тяните время и проводите дознание по всей форме. Или ты забыла, как это делается, с тех пор, как я тебя начальником отдела назначил?

Бородулина. Что вы, что вы, Павел Петрович. Назубок помню.

Ефимов. Тогда начинай. Объясни своему олуху, что полагается в первую голову.

Бородулина. Да он и сам знает.

Ефимов. Ни черта он у тебя не знает. Откуда взяла такого недотёпу?

Бородулина. Дипломник. Юрфак кончает.

Ефимов. Небось, за деньги учится. И сессию сдаёт не по экзаменационной ведомости, а по платёжной. Знаю я таких. У меня, честно говоря, внучок тоже липовый студент. Я бы его выпорол, но с зятем связываться не хочу. Он же у нас теперь шишка большая. Слыхала, небось?

Бородулина. Да-да, знаю. Начальник департамента.

Ефимов. Вот именно. Хотя... *(Пауза.)* Да ладно. Не будем о нём. *(Раздаётся трель сотового телефона.)* Да, Фёдор Семёнович. *(Пауза.)* Спасибо, ничего. Давление только иногда пошаливает. *(Пауза.)* Ты мне не первый это говоришь: буду стараться *(Пауза.)* Позвонил, потому что небольшое осложнение во вверенном тебе управлении возникло. Но, пока ты оперативку проводил, вроде бы всё уладилось. Поэтому не буду тебя лишней раз напрягать. *(Пауза.)* Нет, я злоупотреблять нашей старой дружбой не хочу. *(Пауза.)* Хорошо, если что, непременно перезвоню. *(Отключает телефон. Бородулиной.)* Видишь, дочка, как я твой зад прикрываю? Ты уж меня не подводи. И студента этого нерадивого на кого-нибудь поменяй.

Бородулина. Рада бы, Павел Петрович, но не на кого.

Ефимов. А Ниночка где? Умница наша.

Бородулина. В декретном.

Ефимов. А вторая? Которая с косой.

Бородулина. Там же.

Ефимов. Вон что творится! План по демографии выполняют. Главное задание партии и правительства. *(Пауза.)* Что ж, дело нужное. Не будем их осуждать. Но замену надо равноценную подбирать. Кадры решают всё.

Бородулина. Вы правы, товарищ генерал. Думаю, так и случится. Давайте дадим молодому сотруднику исправиться. *(Нагейкину.)* Обещаешь, Нагейкин?

Нагейкин *(испуганно)*. Обещаю.

Ефимов. Ладно, парень. Действуй. Но меня зря не дёргай. Я ведь потерпевший. Кстати, не забудь постановление об этом прямо сейчас вынести. *(Пауза.)* Если вспомню что важное, сам тебе позвоню. Ты давай с этим прохвостом разберись. Он у меня еле уполз на пенсию без скандала. Если бы не покровители его в генпрокуратуре, сидеть бы ему за взятки. Мы-то сами их привлекать, к сожалению, не имеем полномочий. *(Пауза.)* Но это я уже на банальности перехожу. Между нами говоря, не для протокола, их всех за взятки сажать можно. И нынешнего тоже. Чтоб вы знали. *(Пауза.)* Да знаете наверняка, шельмы. Только признаться в этом боитесь. *(Пауза.)* Правильно. Жизнь теперь такая: слово – увольнение, молчание – повышение. Это я позволяю себе говорить сейчас свободно что угодно, а вам лучше держать язык за зубами. *(Пауза.)* Но уши при этом торчком, торчком. *(Пауза.)* Со мной же можете и чуток расслабиться – разрешаю. *(Нагейкину.)* Да, забыл сказать: звони только после двенадцати. До этого я сплю. Ох как сплю! Ничего мне нет теперь дороже сна. Скоро сами узнаете почему.

Ефимов встаёт и уходит.

Сцена третья

Напротив Нагейкина за столом сидит бывший прокурор Чибисов. Читает какой-то документ.

Нагейкин. К сожалению, господин Чибисов, должен сообщить, что я вынес постановление о привлечении вас к уголовной ответственности за кражу. Пока в качестве подозреваемого. Подумайте хорошенько: вы можете отказаться давать показания, то есть отказаться свидетельствовать против самого себя.

Чибисов. Стоп! Не трудитесь, молодой человек, объяснять прокурору, хоть и бывшему, содержание пятьдесят первой статьи конституции. Но отказываюсь я по другой причине: не вижу здесь адвоката, а подозреваемый, если он в трезвом уме, не скажет ни слова дознавателю без своего защитника. Не так ли?

Нагейкин. Как приятно иметь дело с грамотным человеком!

Чибисов. Если вам приятно иметь дело исключительно с грамотными людьми, советую пока не поздно сменить профессию. *(Пауза.)* Это так, не для протокола.

Нагейкин. Мудрый совет. Но он был бы вдвойне мудрее, если бы вы назвали мне такое поприще, на котором безграмотность сегодня исключена.

Чибисов. Идите в политику. В ней теперь разбираются решительно все. Там у нас поголовная грамотность. Каждый прочтёт лекцию на любую тему не хуже профессора.

Нагейкин. Потому что хуже профессора прочесть уже невозможно?

Чибисов. Вы не лишены чувства юмора.

Нагейкин. Увы, без него нынче не выжить.

Чибисов. Да, да, вы абсолютно правы. *(Пауза.)* Похоже, мне здесь тоже без него не обойтись *(кивает в сторону лежащего перед ним листка)*. Ладно, буду искать адвоката. Ваш бесплатный мне без надобности. Я человек кредитоспособный.

Нагейкин. Это я знаю.

Чибисов. Откуда?

Нагейкин. От заявителя.

Чибисов. Настаиваю на внесении этого заявления в протокол.

Нагейкин. Поздно, господин Чибисов. После вашей реплики: «Это не для протокола» – я его закрыл. Точнее, до неё. По вашей же, как вы понимаете, просьбе. Вам хватит недели, чтобы заключить договор со своим представителем?

Чибисов. Надеюсь.

Нагейкин. Жду вас в следующую среду. В это же время.

Чибисов. Могу я попросить об одной любезности?

Нагейкин. Конечно.

Чибисов. Сдвиньте, пожалуйста, время на послеобеденное. Можете даже вызвать нас на вторник. Но только после двух.

Нагейкин. Вы что, тоже спите до двенадцати?

Чибисов. Вы, однако же, проницательны, молодой человек.

Нагейкин. Это не проницательность. Это первый результат дознавательных действий. Вот эту часть нашего... собеседования я в протокол внесу.

Чибисов. Протестую.

Нагейкин. Протестовать будете в суде. А здесь вы только заявляете ходатайства. Именно так и оформим в соответствующем разделе протокола: заявлено устное ходатайство о переносе допроса на более позднее время ввиду того, что подозреваемый в двенадцать ноль-ноль ещё спит. Ходатайство удовлетворено. Чем вы недовольны?

Чибисов. Обоснованием. Я такого не давал. Это ваш домысел.

Нагейкин. Нет, давали.

Чибисов. Ну, хорошо. Один – ноль в вашу пользу. Но я счёт сравняю.

Нагейкин. Играем до трёх или до двух?

Чибисов. До двадцати пяти. Как в волейболе.

Нагейкин. В таком случае продолжаю подавать я.

Чиби́сов. Не вы, а ваша команда. Надеюсь, вводящий мяч в игру на сей раз угодит в сетку. Или в аут. (*Пауза.*) Я могу быть свободен?

Нагейкин. Разумеется. Итак, в среду в четырнадцать сорок. В четырнадцать ровно я обедаю.

Чиби́сов. Приятного аппетита.

Нагейкин. Спасибо.

Чиби́сов встаёт и уходит.

Спустя некоторое время в кабинет входит Ефимов.

Сцена четвёртая

Ефимов. Чем порадуешь, сынок?

Нагейкин встаёт ему навстречу и пожимает протянутую руку.

Нагейкин. Постановление о признании вас потерпевшим у начальства утвердил. Сейчас вручу копию.

Ефимов. А что сказал этот прохвост?

Нагейкин. Ничего.

Ефимов. За пятьдесят первую укрылся?

Нагейкин. Не совсем. Попросил время для поиска адвоката.

Ефимов. Сколько?

Нагейкин. Неделю.

Ефимов. Вот гад! Другим только три дня давал.

Нагейкин. Не будем ему уподобляться.

Ефимов. Не будем. Мы ведь офицеры. Не чета этим штафиркам.

Нагейкин. Вот именно.

Ефимов. Как отреагировал на постановление?

Нагейкин. Бровью не повёл.

Ефимов. Стреляный воробей. Когда в позапрошлом году на него поступило заявление о вымогательстве, он только спросил: «Кто такой господин Чиби́сов?». Я ему говорю: «Наверное вы». А он: «Здесь только инициалы. Ни адреса, ни номера паспорта. Думаю, речь идёт о моём однофамильце». – «Нет, – отвечаю ему, – речь идёт о человеке, *очень похожем на прокурора*». (*Хохочет.*)

Нагейкин. Павел Петрович, вы мне обещали подготовить список свидетелей.

Ефимов. И подготовил. Вот он. (*Внимает из старомодного портфеля с застёжками листок бумаги.*) Всё по форме. Фамилия, имя, отчество и домашний адрес. Можете вызывать. Одна только просьба. Как и меня, во второй половине дня.

Нагейкин. Они тоже спят до двенадцати?

Ефимов. Первый до двенадцати. А другой даже до тринадцати. Врёт. Небось, час рукоблудничает спросонья.

Нагейкин. С чего вы это взяли?

Ефимов. Сам раскололся. Сказал как-то с пафосом: «Никогда не надо терять самообладания». (*Хохочет.*)

Нагейкин. Да у вас что, клуб любителей поспать?

Ефимов. Молодец, парень. Ты уже почти в материале. Да, при организации ветеранов правоохранительных органов действительно существует клуб «Морфей». Мы все – его члены.

Имеется устав и свидетельство о государственной регистрации. А также о постановке на учёт в налоговой инспекции, органе статистики и социальных фондах. Хотя это, должен тебе сказать не для протокола, совершенно лишняя канитель.

Нагейкин. Кажется, я начинаю догадываться.

Ефимов. Да ты не так уж глуп, как мне показалось с первого раза. Извини, погорячился.

Нагейкин. Ничего-ничего. Продолжайте.

Ефимов. Давай форму. Сам напишу.

Нагейкин достаёт из стола чистый бланк. Ефимов начинает его заполнять.

Сцена пятая

В кабинет Бородулиной входит Нагейкин.

Нагейкин. Вызывали, товарищ майор?

Бородулина. Да. По заявлению генерала Ефимова. У тебя сегодня должен быть подозреваемый с адвокатом?

Нагейкин. Так точно. В четырнадцать сорок.

Бородулина. Придёт только его адвокат.

Нагейкин. Не понял.

Бородулина. Адвокат принесёт готовый протокол допроса подозреваемого, который сам присутствовать не может.

Нагейкин. Почему?

Бородулина. Приболел.

Нагейкин. Ой ли? Пусть представит справку от врача.

Бородулина. Если нужно, он тебе и от министра здравоохранения представит. Ты что, не понимаешь, в какую мы историю вляпались? Тут надо постоянно думать, как между этими Сциброй и Халилой проскочить.

Нагейкин. Прошу прощения: Сциллой и Харибдой.

Бородулина. Да-да. *(Пауза.)* В общем, ты меня понял. Протокол приобщишь к делу. Каким он есть. С адвокатом согласишь время очной ставки. Больше с ним ничего не обсуждай. *(Пауза.)* Ты свободен.

Нагейкин *(уходя, сам себе)*. Один – один. Однако ж быстро он сравнял счёт. И подача осталась у его команды.

Сцена шестая

В кабинет Нагейкина входит заметно перезрелая девица в предельно короткой юбке и полурасстёгнутой блузке. Это адвокат Санеева.

Санеева. Можно?

Нагейкин. Простите, но я вас, кажется, не вызывал.

Санеева. По-твоему, я похожа на девочку по вызову?

Нагейкин *(пристально рассматривает её)*. По-моему, да.

Санеева. Бедненький.

Нагейкин. Почему же?

Санеева. Сразу видно: никогда не имел дела с девочками по вызову.

Нагейкин. Не имел. Но если бы и имел, то едва ли это отразилось бы на моём благосостоянии в худшую сторону.

Санеева. И чем же я на них похожа?

Нагейкин. Манерой обращаться на ты к незнакомому мужчине.

Санеева. Хорошо. Будем знакомы. Галина Санеева. Адвокат господина Чибисова.

Нагейкин. Его я действительно вызывал. Он придёт?

Санеева. Нет. И тебе это отлично известно.

Нагейкин. Опять на ты.

Санеева. Но мы же теперь знакомы. А со знакомыми мужчинами я всегда на ты. *(Плюхается на стул, достаёт из сумочки два листка и протягивает Нагейкину.)* Вот наш договор об оказании юридических услуг. И протокол допроса подозреваемого.

Нагейкин *(пробегает бумаги глазами)*. Хорошо. Я приобшщу их к делу.

Санеева. Когда будем закрывать?

Нагейкин. Что?

Санеева. Это самое дело.

Нагейкин. Не раньше, чем проведём все положенные следственные действия.

Санеева. Намёк понят: будем действовать по полной. Это и в моих интересах. *(Пауза.)* С чего начнём?

Нагейкин. С рассмотрения ходатайств. У защиты они есть?

Санеева. Какие?

Нагейкин. Скажем, о привлечении свидетелей.

Санеева. Смейшься? Откуда могут взяться свидетели в таком абсурдном деле?

Нагейкин. Хорошо. Значит, опросим свидетелей только со стороны потерпевшего.

Санеева. Что ещё?

Нагейкин. Очная ставка. Когда ожидается выздоровление вашего подзащитного?

Санеева. Месяца через два-три.

Нагейкин. В таком случае я подготовлю постановление о приостановлении предварительного дознания. Но потрудитесь представить медицинское подтверждение его болезни.

Санеева. А вы потрудитесь сделать запрос.

Нагейкин. Кому?

Санеева. Министру здравоохранения.

Нагейкин. Какого государства?

Санеева. Всего лишь нашей области.

Нагейкин. Как скажете. Получите через час в канцелярии.

Санеева. Могу ли я подождать здесь?

Нагейкин. Нет, не можете.

Санеева. Почему?

Нагейкин. Потому что я этого не хочу.

Санеева. Не хочешь меня видеть?

Нагейкин. Вы поразительно догадливы, мадам.

Санеева. А ты поразительно недогадлив.

Нагейкин. Неужели?

Санеева. Да. Я не мадам, а мадемуазель.

Нагейкин. Это очень хорошо.

Санеева. Правда?

Нагейкин. Конечно. Значит, дома драть некому.

Санеева. Это же ужасно.

Нагейкин. Что ужасно?

Санеева. Когда драть некому.

Нагейкин. Потрудитесь освободить кабинет, мадемуазель. У меня скоро следующий посетитель.

Санеева. Но мы же ни о чём не договорились?

Нагейкин. Мы должны были договориться только об одном: дне проведения очной ставки. Раз ваш подзащитный болеет, придётся иметь дело непосредственно с ним.

Санеева. С больным человеком?

Нагейкин. Болезнь является уважительной причиной для откладывания очной ставки. Но она не лишает орган дознания права на обыск.

Санеева. И что же ты будешь искать?

Нагейкин. То, что определит суд. О ревуар, мадемуазель.

Санеева (*встаёт*). О ревуар, месье.

Сцена седьмая

Квартира Чибисова. Из всего её убранства внимание привлекают увеличенные фотографии, изображающие хозяина дома рядом с хорошо узнаваемой высшей политической элитой.

Входят Нагейкин и двое понятых: Геннадий Степанович и Насрулла. Их встречают сам Чибисов и Санеева.

Нагейкин. Господин Чибисов, извольте ознакомиться с решением суда. (*Пытается передать листок Чибисову, но тот его не берёт.*)

Чибисов. Передайте это моему адвокату.

Нагейкин вручает решение Санеевой.

Нагейкин. Вы согласны добровольно выдать ценности до обыска?

Чибисов. Какие ценности?

Нагейкин. В хищении которых подозреваетесь.

Чибисов. Да, согласен. (*Протягивает Нагейкину пустую ладонь.*)

Нагейкин. Здесь же ничего нет.

Чибисов. А что, по-вашему, должно быть? Частичка моего мозга?

Нагейкин. Записи.

Чибисов. Хорошо. Будут вам записи.

Чибисов уходит в другую комнату. По дороге он на какое-то время заслоняет Санееву.

Вскоре Чибисов возвращается с бумагами в руках. Передаёт Нагейкину. Тот начинает их просматривать. В это время Санеева кидается к одному из понятых.

Санеева. Караул! Насилуют!

Чибисов мгновенно достаёт фотоаппарат и начинает фотографировать. Нагейкин бросает бумаги, оттаскивает Санееву от растерявшегося понятого. У той действительно растерзанный вид: блузка без пуговиц, распахнута, позволяя разглядеть обнажённую грудь.

Чибисов. Господин дознаватель, вы кого сюда привели?

Нагейкин. Это провокация.

Санеева. Это нападение. Вон тот человек (*показывает на Геннадия Степановича*) вместе с дознавателем покушались на изнасилование.

Чибисов. Всё ясно. (*Санеевой.*) Вызывайте полицию.

Геннадий Степанович (*растерянно*). Я не нападал. Она сама.

Чибисов. Знаем. Все Гоголя читали. Сама себя высекла. (*Понятым.*) Вы же мои соседи. Вы помните, кем я работал до пенсии?

Насрулла. Помним.

Геннадий Степанович. Прокурором.

Чибисов. И на что вы рассчитывали, Геннадий Степанович? Или ради услады этого юноши (*показывает на Нагейкина*) старались? Думаете, мне как свидетелю суд не поверит?

Нагейкин. Есть ещё один свидетель. (*Насрулле.*) Скажите, вы видели, чтобы я пытался изнасиловать эту даму?

Насрулла. Нет, не видел.

Чибисов. Что и требовалось доказать. Не видел. Значит, не свидетель.

В это время Санеева дозванивается до полиции.

Санеева. Полиция? Говорит адвокат Санеева. На меня совершено нападение по адресу: улица атамана Кудеяра, дом три, квартира двенадцать. Приезжайте, пожалуйста. (*Пауза.*) Спасибо. (*Кладёт трубку.*) Будут через десять минут.

Нагейкин. Подозреваемый, подпишите протокол о добровольной выдаче.

Чибисов. Я подпишу, и вы тут же смаетесь с места преступления? Нет, так дело не пойдёт. Будем ждать полицию.

Нагейкин. Хотя бы ознакомьтесь (*даёт ему листок*).

Чибисов берёт протокол и молча передаёт его Санеевой. Та просматривает текст.

Санеева. Ничего опасного нет. Можете подписать.

Чибисов. Пусть сначала это сделают понятые. (*Даёт первому понятому.*) Подписывай, Насрулла.

Первый понятой покорно выполняет его указание.

Чибисов. Теперь вы, старый сладострастник. (*Протягивает листок Геннадию Степановичу.*)

Геннадий Степанович. Я не виноват.

Чибисов. Хотите сказать, что я слепой? Это не так: видел собственными глазами. Берите, берите. И подписывайте.

Геннадий Степанович также подписывает протокол. Возвращает его Чибисову.

Чибисов. Осталось получить ваш автограф. (*Передаёт документ Санеевой.*)

Санеева присоединяется к остальным и оставляет листок у себя.

В это время раздаётся стук в дверь.

Чибисов. Входите. Открыто.

Входят двое полицейских. Один из них отдаёт честь Чибисову.

Первый полицейский. Здравия желаю, товарищ прокурор.

Нагейкин. Бывший прокурор.

Чиби́сов. Прокуроры бывшими не бывают. Это чтобы вы запомнили на всю жизнь, господин дознаватель.

Второй полицейский. Мы опоздали? Здесь уже идёт дознание?

Чиби́сов. Нет, дознание по другому делу. И сам дознаватель покушался на честь моего адвоката.

Нагейкин. Мне её сомнительная честь не нужна.

Санеева (*полицейским*). Адвокат Санеева. Это я вам звонила. Полюбуйтесь, в каком я виде.

Первый полицейский. Любуюсь. В замечательном.

Санеева. Вы находите замечательным, когда на даму нападают, срывают с неё нижнее бельё. (*Вытягивает ногой из-под шкафа бюстгальтер без бретелек.*) Вот видите. А он ведь был на мне.

Нагейкин. Сильно сомневаюсь.

Чиби́сов. Я подтверждаю слова госпожи Санеевой. Он был на ней.

Второй полицейский. Сами проверяли?

Чиби́сов (*не замечая иронии*). Да. Сам. Сфотографируйте, пожалуйста.

Первый полицейский фотографирует валяющийся на полу бюстгальтер.

Чиби́сов. Теперь, Геннадий Степанович, верни его, пожалуйста, хозяйке.

Нагейкин. Подождите! Не надо!

Предупреждение это понятой словно не слышит и покорно выполняет указание Чиби́сова.

Нагейкин (*Геннадию Степановичу*). Эх, что вы натворили!

Второй полицейский (*Санеевой*). Так кто на вас напал?

Санеева (*указывает на Геннадия Степановича*). Вот этот субъект пытался снять с меня блузку, оторвал все пуговицы, а потом сорвал бюстгальтер. А тот (*показывает на Нагейкина*) ему помогал.

Первый полицейский. Как они все здесь оказались?

Нагейкин (*показывает ему своё удостоверение*). Дознаватель УВД лейтенант Нагейкин. Пришёл проводить обыск. Со мной двое понятых – жители этого подъезда.

Насрулла. Я не житель. Я дворник.

Чиби́сов. Скажи, Насрулла, мы же с тобой видели, как они нападали.

Насрулла. Я не видел.

Чиби́сов. Как же так?

Насрулла. Я в этот момент отвернулся.

Чиби́сов (*полицейским*). Он отвернулся. А я нет. И могу свидетельствовать: всё было так, как утверждает эта дама.

Второй полицейский. Хорошо. Составляем протокол.

Сцена восьмая

Кабинет Бородулиной. Нагейкин стоит перед ней навтыжку. Бородулина что-то читает и качает головой.

Бородулина. Да, лейтенант Нагейкин, влипли вы капитально.

Нагейкин. Товарищ майор, это типичная провокация.

Бородулина (*стучит кулаком по столу*). Если вы знали, что она типичная, почему попались на такой крючок? Зачем вам нужен был этот чёртов обыск? Что вы там искали?

Нагейкин. Кто ищет, тот всегда найдёт.

Бородулина. Ты хочешь сказать, что действительно нашёл...

Нагейкин. Хочу. Прочтите, пожалуйста. (*Кладёт перед начальником протокол.*)

Бородулина (*пробегает глазами*). А где прилагаемые материалы?

Нагейкин. Они нам не нужны. Там полная ерунда.

Бородулина. Как это не нужны?

Нагейкин. Подозреваемый впопыхах забыл подписать каждую страницу. Поставил свою закорючку только в конце. Вложим то, что нужно нам.

Бородулина. Это действительно меняет дело. Дело генерала Ефимова. Но что изменит твоё дело? Оно уже заведено. И не у нас, а у наших смежников. Ты должен знать, как они нас нежно любят. Чем будем отвечать?

Нагейкин. Давайте попросим помочь потерпевшего. Он же теперь должен быть заинтересован в закрытии дела против дознавателя, добывшего важные для него документы.

Бородулина. Неплохая мысль. Приглашай его.

Нагейкин. Думаю, лучше это сделать вам.

Бородулина. Согласна.

Сцена девятая

Ефимов в кабинете у Бородулиной.

Ефимов. Говоришь, дочка, твой дознаватель нарыл кое-что у этого прохвоста?

Бородулина. Нарыл.

Ефимов. Так покажи.

Бородулина. Все материалы у него. А он теперь у нас на нелегальном положении, как я только что вам рассказала. Надо вызволять парня. Вот ведь незадача.

Ефимов. Почему незадача? Задача. И очень простенькая. (*Достает мобильник. Набирает номер.*) Фёдор Семёнович, приветствую, дорогой. (*Пауза.*) Спасибо, не жалуюсь. Хотя всё, теперь говорят, от нервов, а мне их треплют изрядно. (*Пауза.*) Твои люди, между прочим. В Желябовском районе один опер перестарался, на дознавателя из Халтуринского района дело завёл. А дознаватель этот моим ограблением занимается. И довольно успешно. (*Пауза.*) Нагейкин его фамилия, а номер дела...

Бородулина (*подсказывает шёпотом*). Шестьдесят шесть, шестьдесят три.

Ефимов. Шесть, шесть, шесть, три. Помоги, пожалуйста. (*Пауза.*) Спасибо. Жму руку. (*Прячет трубку в карман.*) Он сделает. За него я спокоен. А вот после него могут быть менее толковые. Теперь чем дальше, тем глупее. Тебя-то тут не подсиживают?

Бородулина. Вроде бы нет.

Ефимов. Если что, говори, не стесняйся. Пока ещё могу помочь, помогу. Но и ты меня, дочка, в обиду не давай.

Бородулина. Да мы за вас тут все горой.

Ефимов. Все? (*Ухмыляется.*) Если бы все, я бы и дальше служил. Возраст – это у нас формальность. (*Пауза.*) Но не будем о грустном. Гадкое нам досталось время. И подлое. Одно хорошо – под старость. Не то бы не генералом вышел, а майором каким-нибудь. (*Бородулина при последних словах вздрагивает.*) Ты, дочка, на свой счёт это не принимай. Но помни: гражданская война идёт всюю. Ты сама за коммунистов или за большевиков?

Бородулина. Я за справедливость. И законность.

Ефимов. Так не бывает. Справедливость это одно, а законность – совсем другое. Если по закону, то Нагейкина твоего надо судить. А уж в процессе суда, возможно, и оправдать. Если по справедливости, то привлекать нужно тех провокаторов. Поэтому будь за правду. Правда всегда одна. Как отец у ребёнка. А законность и справедливость, как мать: одна родная, другая – сурогатная.

Бородулина. Суррогатная.

Ефимов. Как, как?

Бородулина. Сур-ро-гатная.

Ефимов. Тьфу ты чёрт! Язык ломаешь. *(Пауза.)* Попроси своего Нагейкина ко мне с материалами заехать. Чайку с ним попьём, о жизни поталдычим. У меня его никто пальцем не тронет. Лады?

Бородулина. Лады.

Сцена десятая

Квартира Ефимова. На стенах иконы попеременно с портретами генералов и бывших членов политбюро. Хозяин с Нагейкиным пьют чай из стаканов с массивными подстаканниками.

Ефимов. Погляди, из чего пьём. Мне их ещё на пятидесятилетие Октября подарили. За успехи в работе. А был я всего-навсего сопливым участковым. На юрфаке заочно учился. Вручал сам Новоделов. Наш первый секретарь тогдашний. Ты, небось, и не знаешь, кто такой первый секретарь. Это, сынок, сила. Не то что теперешний глава администрации, которого даже ты мордой об стол возить можешь, если на взятке или откате поймаешь. Ему Сталин с Молотовым руку жали. А он – мне. Выходит, я через два рукопожатия с самим генералиссимусом знаком был.

Нагейкин. И через три с Гитлером.

Ефимов *(смеётся)*. Ты, я вижу, парень с юмором. Это хорошо. Сегодня без него пропадёшь. Только он и спасает.

Нагейкин. Смотря какой юмор. Вся эта история с покушением на изнасилование адвоката тоже очень юморная.

Ефимов. У тебя таких будет ещё много. Если не научишься просчитывать все ходы. И выходы. Начитался в учебниках, что понятых на месте берут, из технического персонала. Это раньше так делали, когда все дворники на нас работали, поголовно нашими внештатниками служили. Теперь понятых надо привозить с собой. Проверенных. Или от нас зависимых. *(Пауза.)* Знаешь, что тебя спасло в этот раз? Тот таджик много лет гражданства нашего добивается. За изменение показания в две минуты его получил. И ещё по службе повышение. Он теперь в своём жэке начальник какого-то отдела по мусорной части.

Нагейкин. Спасибо вам, товарищ генерал.

Ефимов. Мне твоего спасибо мало. Мне материалы дела нужны. Ты их принёс? *(Нагейкин начинает ёрзать на стуле.)* Знаю, что не положено. Поэтому встречу здесь назначил. Тут никто ничего не увидит и не услышит. И никакой участковый сюда ворваться не осмелится. Мне только посмотреть. Перед очной ставкой. Снимать или копировать не стану. Моя память до сих пор лучше любого ксерокса.

Нагейкин молча вынимает из портфеля бумаги. Даёт их Ефимову.

Ефимов *(внимательно читает, комментирует вслух)*. Ага, всё началось два месяца назад. *(Пауза.)* Так я и думал! *(Пауза.)* Вот негодяй! *(Пауза.)* Совсем совести нет у человека.

(Пауза.) Это ж надо, какая скотина! (Пауза.) На самом интересном месте, гад, подсуетился... (Заканчивает чтение. Возвращает бумаги Нагейкину.) Спасибо, сынок.

Нагейкин (убирает документы в портфель). Скажите, товарищ генерал, а что будет со вторым понятым?

Ефимов. Да ничего. Поняв, что под тебя им не подкопаться, они заявление забрали. Оформили примирение сторон. Небось, денег с этого бедолаги поимели. Но ты даже не пытайся вмешиваться: он не расколется. Испугается. Если бы не отпечатки пальцев на её лифчике, всё было бы, конечно, проще. Тут они его на пушку брали. (Пауза.) Ладно, сделаем вид, что инцидент исчерпан. Но ты себе на ус намотай: понятых впредь брать лишь в доску своих. И инструктировать их на все случаи жизни. Понял?

Нагейкин. Понял.

Ефимов. Ну, бывай. Пойду сосну немножко. Надо упущенное навёрстывать.

Действие второе

Сцена одиннадцатая

Кабинет Нагейкина. По одну сторону стола сидит Ефимов, по другую – Чибисов с Санеевой. Сам Нагейкин с торца.

Нагейкин. Раз сторонам понятны их процессуальные права, приступим к очной ставке. Потерпевший, знаете ли вы подозреваемого?

Ефимов. Как облупленного.

Нагейкин. Подозреваемый, знакомы ли вы с потерпевшим?

Чибисова. Я знаю господина Ефимова. Но не как потерпевшего.

Нагейкин. В каких отношениях вы с ним находитесь?

Чибисов. Ни в каких. Ни в родственных, ни в деловых. Других видов отношений действующим законодательством не определено.

Нагейкин. Потерпевший, а как вы ответите на тот же вопрос?

Ефимов. С тех пор как он стал у меня воровать – в неприязненных.

Нагейкин. Вы подозреваете его в хищении вашего имущества?

Ефимов. Не имущества, а ценностей.

Нагейкин. Каких?

Ефимов. Он ворует мои сны.

Чибисов. Какая чушь! И почему вы считаете сны ценностью?

Ефимов. Сегодня это самая главная ценность для человека. Потому что явь гроша ломаного не стоит.

Санеева. Позволю заметить...

Ефимов. Не слишком ли много ты себе позволяешь? Ты не у себя в лупанарии, откуда тебя извлёк твой клиент.

Санеева. Не клиент, а доверитель.

Ефимов. Это сейчас он доверитель. А раньше был клиентом.

Чибисов. Попрошу почтительней разговаривать с дамой.

Ефимов. С дамами я всегда почтителен. А с девками не обязан.

Санеева. Как вы смеете? Я член в коллегии адвокатов.

Ефимов. Ну, и где сказуемое?

Санеева. Какое сказуемое?

Ефимов. Самое обыкновенное. Какое действие ты с ним производила?

Санеева. С кем?

Ефимов. С членом. В коллегии адвокатов.

Чибисов. Очень остроумно!

Нагейкин. Пожалуйста, ближе к делу, потерпевший. Какие сны похищал у вас подозреваемый?

Ефимов. Политические. Они у меня длинные. В одну ночь не укладываются. В следующий раз начинаются с того, на чём закончились в предыдущий. А он как раз продолжение и ворует.

Чибисов. Бред какой-то!

Нагейкин. Вы можете привести пример?

Ефимов. Конечно, могу. Вот с чего всё начиналось. Приснилось мне, будто в конце рабочего дня ни один участковый не принёс мзду начальнику. А те не поехали поэтому делиться

со своими. Как сговорились. Полковники ждут майоров и капитанов, а те не являются. Им уже пора к генералам с сумой отправляться, а сума пуста. И знаете, чем это всё кончилось?

Нагейкин. Нет, не знаю.

Ефимов. Вот и я не знаю. А он (*показывает на Чибисова*) знает. Потому что нагло украл у меня продолжение. Но мне тоже очень любопытно знать. Хочу до смерти своей успеть подобное чудо увидеть. Надо же: за целый день огромный город мзды ни рубля не собрал! (*Пауза.*) Ну где такое нынче увидишь? Только во сне.

Чибисов. И как же я, по-вашему, украл этот странный сон?

Ефимов. Это тебя спросить надо. Я чужих снов не ворую и приёмчиков твоих не знаю.

Чибисов. Почему вы подозреваете именно меня?

Ефимов. А кого же? У меня есть свидетель, которому ты пересказал, что случилось дальше.

Нагейкин. И что тот поведал?

Ефимов. Кто?

Нагейкин. Свидетель.

Ефимов. Молчит как партизан. Хочет рассказать, а язык не поворачивается. Немеет. Как в суде у убийцы. (*Пауза.*) Второй пример. На выборах никто лишних бюллетеней не вбрасывал, каруселей не устраивал, а комиссии посчитали всё честно. Из участковых в территориальные правдивые протоколы повезли, и никто их по дороге не подменил. Из территориальных областные – тоже. (*Пауза.*) Дальше я в страхе проснулся и не знаю точно, чем вся эта история кончилась. Ладно, думаю, на следующий день досмотрю. На завтра даже спать лёг пораньше. А мне уже о другом снится. Потом выяснилось, что тот сон за меня видел подозреваемый.

Нагейкин. Откуда вам это известно?

Ефимов. Примерно месяц назад он сам мне при свидетелях рассказывал. Снилось, мол, ему, что в Государственной Думе больше десяти партий заседает, и ни у одной нет даже ста мандатов.

Нагейкин. И что из этого следует?

Ефимов. Что посчитали честно. А где такое быть могло? Только в моём сне.

Чибисов (*Ефимову*). Вы хотите сказать, что у нас наяву считают нечестно?

Ефимов (*Чибисову*). А вы хотите сказать, что сейчас в парламенте свыше десяти разных партий? И ни одна большинства не имеет? (*Пауза.*) То-то же.

Чибисов (*Ефимову*). Чем докажете, что именно я украл ваш сон? Теперь народ осмелел: такое не мне одному снится.

Ефимов (*Чибисову*). На суде узнаете. Я не дурак, чтобы раньше времени перед вами, гражданин бывший прокурор, все карты свои раскрывать.

Нагейкин. Господа, вы имеете право задавать друг другу вопросы только с моего разрешения. Прошу это помнить. Сейчас вопросы у меня. Потерпевший, вы подозреваете только одного человека?

Ефимов. Да, гражданин дознаватель, только его.

Нагейкин. Подозреваемый, вы продолжаете настаивать на своей невиновности?

Чибисов. Я продолжаю пользоваться правом, предоставленным пятьдесят первой статьёй конституции, и не отвечать на подобные вопросы.

Нагейкин. Хорошо. В таком случае позвольте огласить данные сегодня показания и завершить очную ставку.

Сцена двенадцатая

Кабинет Нагейкина. Вместе с ним – свидетель Гузенко.

Нагейкин. Итак, начнём. Ваше имя, отчество, фамилия?

Гузенко. Савелий Архипович Гузенко.

Нагейкин. Вам известны потерпевший и подозреваемый?

Гузенко. Да.

Нагейкин. Откуда?

Гузенко. Мы вместе ходим в клуб «Морфей». А с подозреваемым я к тому же восемь лет работал в одном учреждении.

Нагейкин. Каком?

Гузенко. Городской прокуратуре.

Нагейкин. Что можете сказать по существу дела?

Гузенко. В клубе «Морфей» мы делимся впечатлениями о своих сновидениях. Подтверждаю, что потерпевший действительно рассказывал всем нам смешную историю, как участковые отказались обирать лавочников и мигрантов. Сговорились. И шефам своим в один прекрасный день ничего не принесли. Те посмеялись и поехали в райотделы с пустыми руками. Получилось, что и их начальникам нечего дальше наверх передавать. Помню, хохотали мы тогда навзрыд.

Нагейкин. Почему?

Гузенко. Смешно ведь, товарищ лейтенант. Смешнее не придумаешь. День прошёл, а никто никому ничего не занёс. *(Заливисто смеётся.)*

Нагейкин. Не вижу ничего смешного.

Гузенко. Значит, у вас, извините, совсем нет чувства юмора. *(Пауза.)* Вы же сами в полиции работаете. Разве может быть такое наяву?

Нагейкин. Не знаю. Я своему начальству ничего не ношу.

Гузенко. Правильно. Ведь вы не на земле сидите. Вам-то с кого брать? С меня, что ли? Кто вам тут чего даст? А бригадиры гастарбайтеров дают. И хозяева палаток тоже. Каждый день. Регулярно. Их даже просить об этом не надо. Думаете, участковым? Нет. Всей системе дают. Но *через* участковых. Это же каждому ребёнку у нас известно. А тут – раз, и сбой системы. Для всей области очень чувствительно. С чем начальник управления к вице-губеру поедет? Конечно, всем нам очень любопытен финал такой истории. На следующем заседании мы ждём от потерпевшего окончания. А он как в воду опущенный. Не видел, говорит, больше этого сна.

Нагейкин. Почему вы рассчитывали услышать продолжение? Разве сны – это мыльные оперы, где одну серию сменяет другая?

Гузенко. У потерпевшего так всегда и было. Он знает секрет, как сюжет сна задерживать в голове до следующей ночи. Если, конечно, пожелает. Так называемое управляемое сновидение. Кстати, самое светлое будущее всего человечества.

Нагейкин. Вместо несостоявшегося коммунизма?

Гузенко. Вот именно. *(Пауза.)* Скоро мы будем просыпаться, чтобы только поесть, в интернете посидеть и, извините, в туалет сходить. Всё главное нас ждёт во сне. Тогда человек и старости бояться перестанет. Отработал своё и быстрее на пенсию. А там спи, сколько влезет, и любуйся тем, чего никогда наяву не увидишь. Представляете, насколько это жизнь нашу увеличит! Так ночь – совершенно бессмысленно потраченное время, а тогда она важнее дня станет. И молодёжи польза. Глядишь, по вечерам меньше шляться будут. Преступность опять-таки уменьшится. Очень прогрессивная методика.

Нагейкин. Вы хотите сказать, что ваш клуб именно её пропагандирует?

Гузенко. Конечно. И главный специалист у нас – Павел Петрович Ефимов. А тут вдруг – бац! Его же и обкрадывают.

Нагейкин. Вы считаете, что это сделал подозреваемый?

Гузенко. Утверждать не смею, но кое-какие соображения у меня на сей счёт имеются.

Нагейкин. Какие же?

Гузенко. Мы с приятелем, тоже бывшим прокурорским работником, у того на дне рождения подпоили подозреваемого, и он рассказал нам окончание сна генерала Ефимова.

Нагейкин. И что же там оказалось?

Гузенко. Не очень смешно. Посадили нашего начальника областного УВД.

Нагейкин. За какие грехи?

Гузенко. За коррупцию. Пока носил наверх – не было, выходит, никакой коррупции. Стоило раз не принести – коррупция мигом обнаружилась. На другой же день взяли. На всю Россию ославили. *(Пауза.)* Вот так-то!

Нагейкин. Но это же только во сне.

Гузенко. Ну конечно. Так-то он прочно на своём месте сидит. Видали по телевизору: вчера опять бодряческое интервью дал, как всё управление успешно борется с взяточниками и прочими негодяями.

Нагейкин. Ещё что-либо можете сказать по существу дела?

Гузенко. Пока нет. Но если вспомню, скажу на суде.

Нагейкин. И вы верите в перспективу суда?

Гузенко. Верю.

Нагейкин. А я нет.

Гузенко. Зачем же тогда ведёте следственные действия?

Нагейкин. Куда денешься: работа такая.

Гузенко. Да, всё перевернулось с ног на голову. Наяву мы наблюдаем полный абсурд. Так почему же во сне не видеть реальности?

Нагейкин. Увы, пока ещё сны отражают действительность, а не наоборот.

Гузенко. Это как посмотреть. По материалистическим законам бытия всё должно быть уравновешено. Если в сознании царит хаос, отчего бы в подсознании не возникнуть стройному порядку?

Нагейкин. Что-то очень мудрёное. И мистическое.

Гузенко. Сейчас многие об этом задумываются. Я недавно читал роман одного американца. Не фантастику – самый настоящий реализм. Так он утверждает, что в сновидении соприкасаются два мира, и мы способны вообразить альтернативный ход событий. Дело за малым: превратить сон в явь.

Нагейкин. Что ж, всё может быть. Глядишь, встретимся ещё раз на суде. А пока подпишите, пожалуйста, протокол. *(Даёт Гузенко лист с текстом.)*

Гузенко. Охотно. *(Ставит подпись.)* Уверен: суд состоится. И будет очень любопытным и полезным. *(Кланяется и уходит.)*

Сцена тринадцатая

Тот же кабинет. Появляется второй свидетель. Это Николашин.

Николашин. Здравия желаю! Полковник Николашин по вашему вызову прибыл.

Нагейкин. Садитесь, товарищ полковник.

Николашин. Благодарю. *(Садится.)*

Нагейкин. Что можете сказать по существу дела генерала Ефимова?

Николашин. По правде говоря, не очень много. Но скажу как есть. То есть как было. *(Пауза.)* Однажды Павел Петрович рассказал очень странный сон. Будто бы после выборов в Государственную Думу во всех избирательных комиссиях подсчитали голоса по-честному. Извините за наглость, ничего не подправили. И так всё в ТИКи и повезли. А там, можете поверить, даже с разнарядкой сверять не стали.

Нагейкин. С какой разнарядкой?

Николашин. Какую обычно дают перед голосованием. По каждой партии.

Нагейкин. Кто даёт?

Николашин. В администрации.

Нагейкин. И что дальше?

Николашин. А дальше получилось, извините за наглость, что у... сами понимаете кого... всего (*шёпотом*) двенадцать процентов.

Нагейкин. Сколько-сколько?

Николашин (*испуганно*). Нет, не подумайте ничего дурного. Это только сон. И не мой, подчёркиваю, не мой. Мне такие страшные сны никогда не снятся. Я ещё подумал о Павле Петровиче: «Это каким же нужно быть храбрым человеком, чтобы такие сны видеть».

Нагейкин. Так сколько же процентов?

Николашин. Неужели так важно?

Нагейкин. Мне ведь надо писать что-то в протоколе.

Николашин. Вот *что-то* и напишите.

Нагейкин. Написать: «что-то процентов» вместо цифры?

Николашин. Не цифры – числа. (*Пауза.*) А вы напишите: *мало* процентов. (*Пауза.*) Дело ведь не в количестве.

Нагейкин. Хорошо. Напишем: «немного процентов».

Николашин. Да-да, так даже лучше.

Нагейкин. И дальше что?

Николашин. Дальше ТИКи собрали все протоколы и в область повезли.

Нагейкин. А как должно быть?

Николашин. Так и должно. Но они ничего с протоколами делать не стали.

Нагейкин. А что полагалось делать с протоколами?

Николашин. Вы никогда в избиркомах не работали?

Нагейкин. Нет, не работал. Я и сам голосовал всего два раза в жизни.

Николашин. Ну да, вы ведь ещё такой молодой. (*Пауза.*) Как мне вам это объяснить? (*Пауза.*) А можно, я вообще объяснять не буду?

Нагейкин. Что же я в протокол напишу?

Николашин. Ничего. Разве это для протокола? Я ведь про сны показания даю, а не про явь. В протоколе события отражаются, а всё, что нам снится, к событиям не относится.

Нагейкин. Пожалуй, вы правы. (*Откладывает ручку в сторону.*)

Николашин. В общем, жду, что Павел Петрович при следующей встрече поведает. Он обычно сны с продолжением видит. Но в тот раз – неудача. Так и не приснилось ему, чем дело закончилось. Как сейчас помню: пришёл расстроенный. Эх, говорит, так и не довелось посмотреть, кто у нас теперь губернатор новый.

Нагейкин. Разве выборы губернатора, а не в Госдуму?

Николашин. Но новая Госдума на следующий день ещё не собирается. А губернатора за такие результаты уже наутро должны вашей вытолкать.

Нагейкин. И вы считаете, что неосведомлённость потерпевшего стала результатом кражи?

Николашин. Если у человека что-то было, а потом быть перестало, то одна из версий случившегося – кража. Её надо непременно рассматривать наряду с другими. Разве вас не так учили в институте?

Нагейкин. Так.

Николашин. По-другому и не могли. Раз нас так, то и вас так. Учебники и преподаватели у нас лет сорок не менялись.

Нагейкин. Это верно.

Николашин. Предположим, кража. Кто мог её совершить? Тот, у кого исчезнувшая ценность обнаружилась. А обнаружилась она у бывшего прокурора. Он якобы видел во сне, как собралась новая Дума на первое заседание, а там партий – десятка полтора. И мандатов у всех (*снова шёпотом*) примерно поровну. Ефимов как на него набросится. Ты, говорит, сон мой украл.

Нагейкин. А вы что скажете?

Николашин. Допускаю: так оно и было. Откуда же столькому количеству фракций взяться? Только если честно голоса все посчитать. Это-то как раз Павлу Петровичу и приснилось. Получается: начало сна у Ефимова, конец – у Чибисова.

Нагейкин. Разве подобное не может случиться?

Николашин. В жизни не поверю, чтобы бывшему прокурору такое само по себе приснилось. Он ведь трусливый и угодливый. Что все прекрасно знают. Притом вороватый. Тоже ни для кого не секрет. Выходит, сон он у генерала украл.

Нагейкин. Стало быть, вы согласны с подозрениями потерпевшего?

Николашин. Как одну из версий допускаю.

Нагейкин. А ещё какой сон подозреваемый похитил у потерпевшего?

Николашин. Очень странный. Будто бы мы, то есть Россия, присоединились к Украине. И Беларусь тоже. Столицей снова сделали Киев.

Нагейкин. Что значит присоединились?

Николашин. Государство единое создали. Под названием Киевская Русь. Но общими стали только армия, граница с таможенной, деньги и князь.

Нагейкин. Какие ж полномочия у князя?

Николашин. Совсем ерундовые: награждать, миловать, послов принимать и народ от чиновников защищать.

Нагейкин. Откуда ж он взялся?

Николашин. Из дома Рюрика.

Нагейкин. Почему князь, а не царь?

Николашин. Как раньше. В Киеве князья были, а не цари. Их тоже выбирали. Правда, из своей же семьи.

Нагейкин. Пожизненно?

Николашин. Нет, только на время. Но, если хорошо правил, народ мог попросить и дальше его оставить.

Нагейкин. Кого попросить?

Николашин. Других князей. Им раз в три года полагалось съезжаться на выборы из своих вотчин.

Нагейкин. Значит, и вотчинами тоже князья руководили?

Николашин. А как же?

Нагейкин. И все Рюриковичи?

Николашин. Конечно.

Нагейкин. Это не демократично.

Николашин. Когда демократично, дороговато получается. Рюриковичи подешевле будут. И понадёжней. Не доверять же губернаторам безродным, ворюгам и мздоимцам!

Нагейкин. Выходит, служилых надо из княжичей выбирать?

Николашин. По-другому коррупцию не поборешь. Те почестней. Они честь веками и смолоду берегут. Как вам это объяснить? (*Пауза.*) Если вы себе в дом дворняжку берёте, не удивляйтесь, когда она, извините за выражение, на ковёр вам нагадит. А породистая собака – ни за что такого себе не позволит. Скорее у неё всё там лопнет внутри, но позора не допустит.

Нагейкин. Хорошего же вы, однако, мнения о нашей власти!

Николашин. Это не мне, а генералу Ефимову сон такой приснился.

Нагейкин. Ну, положим, вы тоже наше государство не слишком любите, раз с таким восторгом пересказываете.

Николашин. Эх, молодой человек! Что вы в этом понимаете? *(Пауза.)* Это как же надо не любить Россию, чтобы любить её государство!

Нагейкин. Ладно. Довольно о снах. На суде подтвердите свои показания?

Николашин *(испуганно)*. Какие?

Нагейкин. Которые только что дали.

Николашин. А всё-таки будет суд?

Нагейкин. Не исключено.

Николашин. Можно последнюю фразу зачеркнуть?

Нагейкин. Какую?

Николашин. Про прокурора. Что он вороватый.

Нагейкин. Я её и не написал.

Николашин. Вот спасибо. *(Пауза.)* Вдруг всё не так? Вдруг он исправился?

Нагейкин. Будучи на пенсии?

Николашин. Неважно. Всё равно есть презумпция невиновности.

Нагейкин. Тут вы правы. Поэтому я записал только фактические события. Потерпевший при вас пересказал один сон, а подозреваемый – другой. Украл или не украл – пусть решает суд.

Николашин. Вот-вот. Золотые слова.

Нагейкин. В таком виде подтвердите?

Николашин. В таком – да.

Нагейкин. Тогда подпишите протокол и ждите повестку.

Николашин. Ой, извините, мне что-то нехорошо. *(Достаёт таблетку, кладёт в рот.)*

Нагейкин. Вам, может быть, воды дать запить?

Николашин. Нет-нет, мне надо под язык. Сердечко немного прихватило. Вдруг представил, что такое и на других выборах может случиться.

Нагейкин. Каких?

Николашин. Сами понимаете... *(Поднимает руку кверху.)* Тогда ещё худшее произойдёт.

Нагейкин. И что же?

Николашин *(шёпотом)*. Второй тур. *(Пауза.)* А там и до непоправимого недалеко.

Нагейкин. Какая-то у вас фантазия бедная! Подумаешь, второй тур! Мы живём в век высоких технологий. Что-нибудь придумают.

Николашин. Фантазия-то бедная, а вот зять богатый. За внучку страшно. Пострадать могут.

Сцена четырнадцатая

Нагейкин в кабинете у Бородулиной.

Нагейкин. Теперь позвольте доложить о деле генерала Ефимова. *(Перелистывает папку.)* Основные следственные действия произведены. Потерпевший и подозреваемый допрошены. Очная ставка между ними состоялась. Обыск у подозреваемого проведён. Свидетели со стороны подозреваемого не заявлены, а со стороны потерпевшего дали свои показания. В процессуальные сроки мы уложились. Полагаю, можно готовить обвинительное заключение.

Бородулина. Вы серьёзно?

Нагейкин. Вполне. *(Пауза.)* Не хотите ли вы сказать, что всё это розыгрыш неопытного дознавателя его, так сказать, старшими коллегами?

Бородулина. Хочу. *(Длительная пауза.)* Но, увы, не могу. Буду думать, как нам выходить сухими из этого болота. *(Пауза.)* Вы свободны, товарищ лейтенант. Дело оставьте пока у меня.

Нагейкин кладёт на стол папку и выходит.

Бородулина (*помощнику по селектору*). Кто-нибудь ещё есть в приёмной? (*Пауза.*) Приглашайте.

Входит молодая женщина, броско одетая и абсолютно раскованная. Это Левитина.

Левитина. Привет, подруга. Думала, ты меня дольше в своём накопителе промаринуешь.

Бородулина. Почему?

Левитина (*интригующим тоном*). Такой мальчик хорошенький передо мной зашёл. И такой молоденький. (*Грозит Бородулиной пальцем.*) У тебя, как я помню, вкус всегда был отменный. Лишь один раз подкачал.

Бородулина. А у тебя, как я помню, аппетит всегда был звериный.

Левитина. Почему был? Он таким и остался.

Бородулина. Поэтому ты у нас такая стройная.

Левитина. Ничего удивительного. От него не полнеют. Наоборот, худеют. (*Пауза.*) Очень настоятельно рекомендую.

Бородулина. С твоей фигурой в нашем деле фигурой не станешь. Навсегда пешкой останешься.

Левитина. Пешка пешке рознь. Бывает, одни в ферзи проходят. Другие до конца на доске остаются и помогают одинокого короля в угол загнать.

Бородулина. Но чаще всего их разменивают ещё в дебюте. Проще говоря, съедают.

Левитина. Тебе, подруга, это уже не грозит.

Бородулина. Ошибаешься. Именно это мне сейчас и светит. Вот почему я тебя позвала.

Левитина. Хорошо. Помогу. Чем могу быть полезна?

Бородулина. Своим основным навыком. Ты ведь у нас теперь оценщица?

Левитина. Да. И к тому же лицензированная. Какую цену поставлю – той и быть.

Бородулина. Что оцениваешь?

Левитина. Всё что душа твоя пожелает. И движимость, и недвижимость. И видимость, и невидимость.

Бородулина. Вот! Последнее мне и надо.

Левитина. Невидимость?

Бородулина. Её самую.

Левитина. Для покупки или для продажи?

Бородулина. А в чём разница?

Левитина. В цене, разумеется.

Бородулина. Разве она не одинакова для продающего и покупающего?

Левитина. Конечно, одинакова. В одном случае одинаково большая. В другом – одинаково маленькая. Если тебе надо что-нибудь купить, только скажи – занижу до плинтуса. Если продать – наоборот, подниму до потолка. Всё, как в старом восточном анекдоте. «Сколько будет дважды два?» – «Всё зависит от того, *дарагой*, продаёшь или покупаешь».

Левитина заливисто хохочет. Её настроение передаётся и Бородулиной, и она тоже присоединяется к смеющейся, но более сдержанно.

Бородулина. Завидую тебе, Танюха. Хорошая у тебя профессия. Ты мне сейчас позарез нужна. В рамках дела одного.

Левитина. Каково же?

Бородулина. Уголовного. Других мы тут не ведём.

Левитина. Что оценивать будем?

Бородулина. Сны.

Левитина. Сны так сны. Но почему ты считаешь их невидимостью? Они, говоря современным юридическим языком, ценности, находящиеся в индивидуальной видимости в период ограниченного функционирования организма. Теперь такие шарады очень любят. У нас это обобщённо называется нематериальными активами. Продавать будем или покупать?

Бородулина. Продавать.

Левитина. Насколько платёжеспособен покупатель? Не переборщить бы. Не спугнуть.

Бородулина. Перебарщивать не надо. *(Пишет на бумажке сумму, даёт листок Левитиной.)*

Левитина. Всего-то?

Бородулина. Мне этого вполне хватит.

Левитина. Обижаешь, подруга. Тут написано меньше, чем стоит один мой визит к клиенту. А я к тебе и так бесплатно пришла. По старой дружбе.

Бородулина. Извини, мы на госслужбе. У нас бюджет, а не частная лавочка.

Левитина. Разве частная лавочка – не бюджет? Только приватизированный. *(Пауза.)* Ты что, даже этого не умеешь?

Бородулина *(качает головой)*. Нет, не умею.

Левитина. Бедняжка! Так я тебя мигом научу.

Бородулина. Мне уже поздно.

Левитина. Почему? Сорока ещё нет. Знаешь, как говорят: в сорок лет...

Бородулина. Знаю. Можешь не продолжать.

Левитина. Это никогда и никому не поздно. Некоторым нашим правителям хорошо за шестьдесят было, когда им возможность такая впервые подвернулась. Как видишь, не растерялись, быстренько освоились. И лихо. Молодёжи сто очков вперёд дать могли бы.

Бородулина. Я не той группы крови.

Левитина. Кровь мы тебе мигом перельём. Донора я быстро найду. Дайка сюда это дело. *(Перелистывает папку, переданную ей Бородулиной.)* Так, для начала – никаких снов. Русский язык вообще для серьёзных бизнес-проектов не годится. Будем называть их sweet dreams.

Бородулина. Но во всех документах это просто сны.

Левитина. Ты ещё менеджеров назад в приказчики переименуй. И кто к тебе после этого работать пойдёт? Или блокбастеры в картины, как предки наши говорили. Кто их смотреть будет? Теперь всё должно обозначаться по-английски. Тогда оно денег стоит. А снам цена – копейка. Понятно?

Бородулина *(отрешённо)*. Понятно. Валяй как знаешь.

Левитина. Я в своём деле всё знаю. *(Пауза.)* Ах вот оно что! Заявитель – генерал Ефимов. Выходит, старая любовь не ржавеет.

Бородулина. Выходит. *(Пауза.)* Жалко мне его. Но дело такое вести больше не хочу. А без твоей помощи мне от него не избавиться.

Левитина. Слушай, подруга, почему же всё-таки тогда у вас так и не склеилось?

Бородулина. Он жену бросать наотрез отказался.

Левитина. За карьеру свою испугался?

Бородулина. Нет. По-другому всё объяснил. Ей, говорит, сейчас пятьдесят. Кого она себе сможет найти в таком возрасте? Значит, до конца дней одна останется. А до конца ещё далеко. Когда я умру, тебе тоже будет лет пятьдесят. И окажешься ты в том же положении. Зачем же мне делать несчастными сразу двух женщин, которых люблю? Ищи-ка ты уже сейчас себе кого-нибудь молодого. А несчастным пускай один я останусь.

Левитина. И ты нашла?

Бородулина. Что мне ещё оставалось?

Левитина. По любви или расчёту?

Бородулина. Трудно сказать, когда любить некого, а считать нечего.

Левитина. Дети есть?

Бородулина. Дочка. Тринадцать лет недавно исполнилось.

Левитина (*после паузы*). Да, мудрый мужик. И совестливый.

Бородулина. Не то слово.

Левитина (*продолжает листать дело*). Так-так. Вот и адресок знакомый. Дай-ка спишу.

Бородулина. Зачем же списывать, если знакомый?

Левитина. Чтобы долго не искать.

Бородулина даёт ей листок бумаги и ручку. Левитина что-то переписывает из дела.

Левитина. Видишь, я грамотная. Копировать не прошу. Но и рассказывать свой план сейчас тебе не стану. Есть тут у меня одна задумка. (*Пауза.*) И овцы будут целы, и волки сыты.

Сцена пятнадцатая

Столик в кафе. За столиком Санеева и Левитина.

Левитина. Да, подруга, изменилась ты сильно. Нечего сказать.

Санеева. В какую сторону?

Левитина. В западную. Ты у нас теперь шлюха европейского пошиба. Не под совковой бандершей, а под корочкой адвоката. Поздравляю!

Санеева. Один диплом институтский чего стоил!

Левитина. Представляю. Небось, сплошные субботники.

Санеева. И воскресники в придачу. Ни одного выходного. Да ещё и бабла немерено.

Левитина. Где надыбалась?

Санеева. Коломенский.

Левитина. В колонии?

Санеева. Не в колонии, а в Коломне. Есть там какой-то вуз хитрый. Филиал чей-то. Правда, сама я в нём ни разу не появилась. Всё дистанционно. По документам. (*Пауза.*)

Левитина. Давненько мы с тобой не калякали. (*Пауза.*) Но, как видишь, дорожки наши снова пересеклись.

Санеева. Давай по существу. А то я в суд опоздаю.

Левитина. Да, это не в былые годы, когда тебя туда с эскортом доставляли. (*Пауза.*) Ладно, буду кратко. Дело этого взяточника прокурора ведь ты ведёшь?

Санеева. От взяток мы его отмазали. Теперь...

Левитина. Знаю, знаю... Хищение нематериальных активов.

Санеева. Каких ещё активов?

Левитина. Sweet dreams.

Санеева. Чего, чего?

Левитина. Ты что, язык в вузе не изучала?

Санеева. Я в этом вузе столько языков изучила, сколько ни одному полиглоту не снилось. И все одинаково слюнявые.

Левитина. Ладно, не будем терять времени. Слушай меня. Сны этого старого чудака генерала я оценила как интеллектуальную собственность в форме литературного произведения. Уголовку мы легко закроем, но тут же откроем гражданское дело по факту плагиата.

Санеева. Какой там может быть плагиат? Ты что, смеёшься?

Левитина. Не плакать же мне? Хочу, чтобы все мы тут капусты нарубили как следует. Поэтому слушай и не перебивай. Заключаешь с клиентом новый договор. За проценты от исковой суммы. Сумму я нарисую – мало не покажется. Бабки делим. Само собой, ментам отслюним, председателю суда и судье.

Санеева. Председателю-то зачем?

Левитина. Он нам нужного судью назначит. Подружку мою старинную. Та решение, какое мы подскажем, изобразит. И притом грамотно. Тогда меньше потом с апелляцией делиться.

Санеева. И им тоже даём?

Левитина. И им. Плюс кассации, если старый чудак туда ещё полезет. Это как водится.

Санеева. Увы, ты права.

Левитина. Не сомневайся: сумму я укажу по максимуму. Лишь бы клиент твой раскошеллся.

Санеева. За него не волнуйся. У него на «Войну и мир» хватит, не то что на эти сны бредовые.

Левитина. Не сны, а sweet dreams. Запомни.

Санеева. Стрит тимз?

Левитина. Какой ещё strip-tease? Sweet dreams. Свит дримз.

Санеева. Хорошо. Я потренируюсь.

Левитина. Давай, подруга. Старайся. Будет у нас дачка лишняя.

Санеева. И тачка.

Левитина. Хорошо. Дачка и тачка. Так для конспирации и назовём. Операция «Дачка и тачка».

Санеева. По рукам!

Левитина. Опять хочешь по рукам?

Санеева. Я не в том смысле.

Левитина. А, понятно. *(Пауза.)* Хорошо. По рукам!

Сцена шестнадцатая

Кабинет Нагейкина. За приставным столиком хозяин кабинета и Ефимов. Ефимов читает какой-то документ.

Ефимов *(закончив читать)*. Что ж, сынок, обвинительное заключение ты составил неплохо. Для начинающего дознавателя – просто блестяще. Будешь потом внукам рассказывать, как начинал работу с такого необычного дела, где потерпевший через два рукопожатия был знаком с самим...

В это время раздаётся телефонный звонок.

Нагейкин *(перебивая его)*. Простите, товарищ генерал. *(В трубку.)* Слушаю. *(Пауза.)* Хорошо. Сейчас зайду. Кстати, Павел Петрович как раз у меня сидит. *(Пауза.)* Как скажете, товарищ майор. *(Кладёт трубку.)* Начальник отдела звонила. Вызывала по поводу вашего дела. Узнав, что вы здесь, попросила вас не отпускать и обещала скоро сама к нам заглянуть. Неудобно, мол, такого гостя вынуждать пешком по лестнице на верхний этаж подниматься.

Ефимов. Чудачка! Для меня эта высота – сущий пустяк.

Нагейкин. Я, как вы поняли, спорить не стал.

Ефимов. Ладно. Что ж делать: будем ждать. *(Пауза.)* Я тебе пока одну историю расскажу. Не стал её в свои показания включать. Сейчас сам поймёшь, почему. Когда мне сделалось ясно, кто сны мои крадёт, решил этому паршивцу свинью подложить. Перед этим мне присни-

лось что-то страшное: не всегда ведь только хорошее видишь. Разрешили якобы мигрантам любые должности у нас занимать. И вот прихожу в свою контору в канун Дня милиции сослуживцев бывших поздравить, как обычно и делаю. А по управлению одни раскосые снуют. Не то китайцы, не то вьетнамцы. И лопочут по-своему. Ни одного русского слова не слышно. Я же в мундире, при полном параде. На меня – ноль внимания, словно на невидимку. Наконец подходит один и спрашивает: «Чего тебе нада, генелала?» Начальника, говорю, хочу видеть. «Халасо», – отвечает и опять исчезает. Через некоторое время выходит из моего бывшего кабинета здоровенный негр и, бросив на меня презрительный взор, заявляет: «Чего ты тут делаешь, русская свинья? Пошёл на х-р отсюда!» Вот такой сон. Дай, думаю, этому прощельге его подсуну. И рассказал. Но без концовки. Пусть, думаю, сам её посмотрит. И с местом действия его слегка надул. Сказал, что дело у них в прокуратуре происходит. *(Пауза.)* Конечно он, гад, клюнул. На следующий раз спрашиваю с ехидцей: «Как тебе новый прокурор?» – «Какой?» – прикидывается он дурачком. – «Из моего сна. Такой же масти, как ты. Только не изнутри, а снаружи». Так он от меня как ошпаренный вмиг отскочил. *(Хохочет.)*

В этот момент входит Бородулина.

Бородулина. Здравствуйте, Павел Петрович. Всё сны свои пересказываете?

Ефимов. Здравствуйте, доченька. Ты, как всегда, угадала.

Бородулина. Для меня повторите?

Ефимов. Ни за что!

Бородулина. Почему?

Ефимов. Не для дамских ушей.

Бородулина. Понятно. Вам, оказывается, скабрёзности тоже снятся.

Ефимов. Это не скабрёзность. Это хуже.

Бородулина. Ладно. Поговорим о серьёзном. Я обвинительное заключение на экспертизу оценщику отправила. И знаете, что оттуда прислали?

Ефимов. Нет, не знаю.

Бородулина. Похищенные у вас ценности составляют такую сумму, что состав надо пере-квалифицировать с части первой на часть четвёртую.

Ефимов. Как на четвёртую? В особо крупном? Больше миллиона?

Бородулина. Совершенно верно. Разве вы не знаете, что теперь чем бредовой идея, тем она дороже.

Ефимов. Так это же от пяти до десяти лет. Я-то думал его, негодника, оштрафуют или улицу мести на глазах у всего города заставят. Зачем он мне на зоне нужен? Ещё корми его за счёт бюджета! Мало он из него и так вытянул. Я его просто попугать хотел. Чтобы впредь неповадно было. Его же там убьют.

Бородулина. Ничего не могу поделать. Так оценили ваши замечательные сны. Приравняли к интеллектуальной собственности. Посчитали, сколько вы могли бы заработать, если сценарий для Голливуда по ним написать. Так там за миллион не только рублей, но и долларов зашкалило. Поэтому обвинительное заключение придётся переписывать. И, как сами понимаете, не нам, а следственному отделу. Дело ваше я туда уже сегодня отправила.

Ефимов. Нет, мне так не надо.

Бородулина. От нас это, увы, теперь не зависит. Вы газеты читаете, знаете, конечно, что страна наконец принята в ВТО, а там с интеллектуальной собственностью очень строго. Так что времена настают другие. Поэтому, дорогой товарищ генерал, заказывайте билеты в Голливуд. А мы все дружно придём на премьеру.

Ефимов *(растерянно)*. Ну и дела... *(Пауза.)* И где ж она, справедливость?

4 ноября 2013 года – 19 января 2014 года

Возвращение ветра, или Вся власть – советникам! История в двух действиях с прологом и эпилогом

Действующие лица

Ананьев, Яков Ильич, 36 лет, советник мэра

Наумов, Осип Иванович, 79 лет, бывший генерал госбезопасности

Клавдия, 22 года, его внучка

Ерохин, Авенир Павлович, 28 лет, помощник Ананьева

Кратов, Георгий Александрович, 79 лет, эмигрант

Мытарев, Геннадий Евгеньевич, 45 лет, глава местной администрации

Василиса, 87 лет, домашняя работница Наумова

Первая девица

Вторая девица лет 18–19

Третья девица

Действие происходит летом 1992 года на даче в пригороде одной из двух столиц России.

Пролог

Действующие лица

Ахав, царь Израильский
Иезавель, его жена
Навуфей, его сосед
Венанд, царь Сирийский
Военачальник
Начальник стражи
Первый сириянин
Второй сириянин
Третий сириянин

X век до Рождества Христова. Израиль.

Картина первая Ахав и Военачальник

Военачальник

Великий царь, разбиты сирияне!
Сто тысяч пало их в кровавой битве.
Ещё же двадцать семь бежали в страхе,
Чтоб спрятаться за стенами Афека,
Но стены рухнули, прибавив их насмерть.

Ахав

А где же царь Венанд, наглец презренный?

Военачальник

Он носится по внутренним покоям
И гонит слуг своих к царю Ахаве
Просить его нижайше о пощаде.
Входит Начальник стражи.

Начальник стражи

Великий царь, с вретищами на чреслах,
С верёвками на головах смиренных
Пришли к тебе простые сирияне.

Ахав

Впусти их, но не боле чем троих.

Начальник стражи уходит и возвращается с тремя сириянами.

Первый сириянин

Мы низко бьём челом царю Ахаве.

Второй сириянин

Послал к тебе нас раб твой царь Венанд.

Третий сириянин

Он просит пощадить его живот.

Ахав

Как, разве жив он, брат мой царь Венанд?

Сирияне (хором)

Да жив он, жив твой раб... твой брат Венанд!

Ахав

Тогда ко мне его скорей ведите.

Начальник стражи и сирияне уходят.

(Военачальнику)

Ничто не возвышает так царей,
Как милость к побеждённому врагу.
Возвращается Начальник стражи.

Начальник стражи

Сирийский царь, твой брат Венанд!

Ахав

Пусть входит.

Начальник стражи удаляется. Входит Венанд.

Венанд

Мой брат Ахав, забудем все обиды,
И города, что мой отец в сраженьях
У твоего родителя Амврия
Отвоевал, тебе я возвращаю.

Да площадь сверх того в самом Дамаске
Я отдаю в твоё распоряженье.

Ахав

Что ж, слышать мне твои слова приятно.
Давай скрепим их нашим договором,
И отпущу тебя, Венанд, я с миром.

Военачальник подаёт Венанду свиток, тот подписывает его, затем это же делает Ахав.
Цари обнимаются, после чего Венанд и Военачальник оставляют Ахава одного.

Ахав

Вот и достиг я славы полководца,
Вернувшего родительские земли,
Расширившего прежние пределы.
Но ничего меня так не прельщает,
Ни города, ни горы, ни долины,
Ни царства, как тот небольшой участок,
Что засадил сосед мой виноградом.
Как гляну из окна я в сад заветный,
Так сердце неизбывною тоскою
Моё переполняется. Ужели,
Когда сирийский царь повержен мною,
Сосед мне не уступит вертограда...
Смирю гордыню, сам к нему сегодня
Отправлюсь с предложением достойным.

Картина вторая Ахав и Навуфей

Ахав

Мне люб твой сад, любезный Навуфей,
Он глаз ласкает мой, но ранит душу
От мысли, что не мне принадлежит.
За сколько ты талантов серебра
Продашь его иль, может, променяешь
На равный или даже лучший сад?

Навуфей

Ты, царь, велик, победами прославлен,
Но я твоё отвергну предложенье:
Настолько дорог мне мой виноградник,
Что в мире ввек не хватит серебра,
Чтобы восполнить мне его утрату.

Ахав

Я дам тебе взамен любой участок
В Изрееле, Самарии, Дамаске.
Тебя прошу я только об одном:
Своим согласьем излечи мне душу.

Навуфей

Подумай, царь, имею ли я право
Кому-то уступить свой виноградник:
Ведь это же отцовское наследство,
Земля, завещанная мне от дедов?
Я на другой трудиться не желаю!
Зачем тебе мой маленький надел,
Когда имеешь целых две столицы,
Дворец богатый из слоновой кости
И площади обширные в Дамаске?

Ахав

Едва ли, Навуфей, поймёшь тоску,
Томящую мне душу от бессилья...
Ты, верно, прав по-своему. Прощай!

Картина третья Ахав и Иезавель

Иезавель

Сказали мне, что хлеба ты не ешь
И возлежишь который день в постели,
К стене отворотив своё лицо.
Чем дух встревожен твой, мой муж Ахав?

Ахав

К дворцу стоит вплотную виноградник,
Его не первый год я вождедею,
Но наш сосед, почтенный Навуфей,
Не хочет мне продать его за деньги.
Спаси меня Господь, он говорит,
Чтоб я отдал отцовское наследство
Хотя б за все запасы серебра,
Что за век накопятся в целом мире.

Иезавель

Какое ж царство будет в Израиле,
Коль вождь его совсем ослабнет духом?
Встань, хлеба съешь и успокойся, муж мой.
Доставлю я тебе твой виноградник.

Картина четвёртая Навуфей

Навуфей. Со всех сторон в него летят камни.

Навуфей

За что, Господь, меня Ты убиваешь?
Не возводил я на Тебя хулы...

(Падает и умирает.)

Картина пятая Ахав и Иезавель

Иезавель

Ты всё ещё тоской охвачен, муж мой?
Напрасно, больше нет тому причины.
Ступай и забери свой виноградник.
Хозяин не хотел продать за деньги,
Теперь ты можешь взять его задаром:
Уж нет в живых упрямого соседа.

Ахав

Нет Навуфея, ты сказала. Что с ним?

Иезавель

Он был судим. Затем побит камнями.

Ахав

Судим? За что же?

Иезавель

За хулу на Бога
И на царя Израиля Ахава.

Ахав

А разве он хулил меня и Бога?

Иезавель

Конечно, нет. Но именем твоим
Я попросила знатных горожан
Подговорить двух местных негодяев
Дать ложные свидетельства в суде,
Мол, слышали, как Навуфей хулил
И горнего и дольного владыку.

Пауза. Ахав в ужасе смотрит на Иезавель и закрывает лицо руками.

Ступай и забери свой виноградник.
Да не забудь сказать жене спасибо.

Ахав

Какое там спасибо?! Повергаешь
Ты в ужас за содеянное зло
Мою в тоске томившуюся душу.
Отныне ввек не будет ей покоя:
Господь невинной жертвы не простит.
И всё из-за тебя, Иезавель!

Иезавель

Не мог переступить через капризы —
Теперь через свой страх переступи.

Действие первое

Пустующий пляж. На него выбегает Ананьев в безрукавной рубашке и светлых брюках. За ним появляется Мытарев в тёмном костюме при галстуке.

Ананьев. Не желаете искупаться, Геннадий Евгеньевич?

Мытарев (*смутившись*). Как-то неудобно... рабочий день...

Ананьев. А разве мы с вами отдыхать сюда приехали?

Мытарев. Всё-таки пляж. Люди зайти могут.

Ананьев. Раньше, небось, в баньке дела вершили, когда в горкоме партии работали?

Мытарев. Бывало и такое.

Ананьев. Теперь времена изменились. Считайте, что на смену бане пришёл пляж.

Мытарев. Нет. Баня как была, так и осталась. Только должности наши поменялись: не секретарь горкома, а глава администрации, не заведомом, а начальник департамента, не инструктор, а главный специалист.

Ананьев. Не хотите – как хотите. Тогда садитесь сюда. (*Плюхается в шезлонг. Мытарев устраивается рядом.*) Да вы хоть пиджак снимите. Жарит, как на Майами.

Мытарев. Не знаю – не бывал. (*Снимает пиджак.*)

Ананьев. Будете меня слушать – побываете. Уже в нынешнем году.

Мытарев. Может, лучше в баньку поедем?

Ананьев. Перестаньте! Вы ещё молодой человек. Откуда эти стариковские манеры? В баньку, на печку... Если желаете по службе продвинуться – начинайте спортом заниматься: трусцой бегать, в теннис играть, плавать... Меня раньше совсем в воду не тянуло, а теперь в проруби зимой купаюсь.

Мытарев. Один.

Ананьев. Нет, почему же. (*Пауза.*) Ну, ладно, не станем отвлекаться. Рассказывайте, как дела с землёй.

Мытарев. Докладываю: восемнадцать участков по пятьдесят соток приготовлены.

Ананьев. Далеко от трассы?

Мытарев. Километра полтора.

Ананьев. Ближе нельзя?

Мытарев. Ближе – территория поссовета. А с этими Советами, сами знаете, как связываться.

Ананьев. Да, знаю. Наизбирали на свою голову демократию голоштанную. Ничего, скоро мы всех их разгоним.

Мытарев. А как же лозунг: «Вся власть – Советам!»?

Ананьев. Вы Ленина читали?

Мытарев. Приходилось. В институте.

Ананьев. Перед народом мы должны его развенчивать. А *entre nous* следует признать: мозговитый был шельма. И лозунгом вашим как хотел манипулировал: то выдвинет, то задвинет, то опять провозгласит. Так и мы. Два года назад вынули его из нафталина истории. Употребили как следует. А теперь объявим устаревшим, вредным. Спасибо – напомнили. Надо же: вся власть – Советам! Завтра что-нибудь ехиднённое на этот счёт в газетку подкину.

Мытарев. Пока вы соберётесь разгонять – лето кончится. А земля, сами говорили, до августа нужна.

Ананьев. Ваша правда. Придётся соглашаться на полтора километра.

Мытарев. Я, Яков Ильич, плохого не предложу. Лучшие наделы отдаю. Может, в лозунгах и слабоват, но на хозяина работать умею.

Ананьев. Да не сердитесь. Разве я не вижу.

Мытарев. Только списочек мне побыстрее, если можно. На семнадцать персон.

Ананьев. Почему на семнадцать? Участков-то восемнадцать.

Мытарев. Вашу фамилию я и так знаю.

Ананьев. Э, нет, голубчик. Тут у вас промашка вышла. Мне никакого участка не надо. Не для того мы коммунистов свергли, чтобы опять к привилегиям возвращаться. Список я дам. Но запомните: никакой номенклатуры там не будет.

Мытарев. Яков Ильич, во-первых, мы не на митинге. Во-вторых, не надо мне говорить, что вы коммунистов прогнали...

Ананьев. Извините, ради Бога. Никак не привыкну...

Мытарев. А в-третьих, о привилегиях: раньше земля в собственность не давалась. Даже у министров дачи казённые были. Дотянешь на посту до пенсии – разрешат остаться. Будешь помалкивать – и вдову потом не выселят. Оступишься – без кола и двора останешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.